

УДК 81'373

**М. Б. Раренко**

кандидат филологических наук, ст. научный сотрудник Отдела языкознания ИНИОН РАН; e-mail: rarenco@rambler.ru

## **ЧЕЛОВЕК ПОЛИТИЧЕСКИЙ В ФОКУСЕ**

В статье представлен анализ работ, посвященных теме языкового образа политика (на материале русского и английского языков), который рассматривается как сложный лексико-семантический конструкт, имеющий разнородную языковую структуру и ярко выраженную экстралингвистическую обусловленность.

**Ключевые слова:** политик; политический дискурс; языковой образ; языковое моделирование; семантические доминанты языкового образа; номинация; коммуникативные стратегии.

**Rarenko M. B.**

Ph. D. (Philology), Senior Researcher, Department of Linguistics INION RAS; e-mail: rarenco@rambler.ru

## **A POLITICIAN IN THE FOCUS**

The paper is devoted to the analysis of the language image of a politician based on the material of the Russian and English languages. The image is viewed as a complex lexical and semantic construct that has a multilevel language structure and is determined by social and cultural factors.

**Key words:** politician; political discourse; language image; language image of the world; language construction; semantic dominants of the language image; nomination; communication strategies.

В последние годы отмечается всевозрастающий интерес лингвистов к проблемам дискурса политиков. Политический дискурс, имеющий особое социальное значение в жизни общества, представляет собой сложный объект для исследования, поскольку находится на пересечении разных дисциплин, в первую очередь политологии, социальной психологии, лингвистики, и оказывается связанным с анализом формы, задач и целей, а также содержанием [5]. Исследовательское внимание к политическому дискурсу отражает непреходящий интерес к феномену власти и ее субъектам – политикам и объясняется «как отсутствием специальных исследований, посвященных этому феномену, так и общелингвистической значимостью системного и многоаспектного описания образа человека в русской ЯКМ (далее – языковой картине мира)» [1, с. 6].

В центре внимания лингвистических исследований оказалось всестороннее комплексное описание глобального образа человека по данным языка, в частности политика, или «человека политического». В основе подобного рода исследований лежит «идея о способности языка отражать, запечатлевать знания, мнения, представления человека о мире и о самом себе как части мироздания» [1, с. 5]. Политик – это «субъект специфической деятельности, связанной с управлением государством, осуществлением властных полномочий, реализацией социально значимых действий, соответствующих задачам политического объединения (партии, движения), к которому данный субъект принадлежит» [1, с. 5].

Описывая отличие «политического языка» от обыденного, В. З. Демьянков отмечает следующие его черты:

- 1) «политическая лексика терминологична, а обычные, не чисто «политические» языковые реалии употребляются не всегда так же, как в обыденном языке»;
- 2) «специфическая структура дискурса – результат иногда очень своеобразных речевых приемов»;
- 3) «специфична реализация дискурса – звуковое или письменное его оформление» [3, с. 116].

Основным методом исследования человека политического стал метод интегративный, который предполагает использование идей, достижений и методов разных направлений антропологической лингвистики. Человек при этом выступает и как субъект, познающий мир и отображающий процесс и результаты познания в языке, и как объект такого познания. Моделирование языкового образа политика базируется на семантических доминантах – «устойчивых, регулярно воспроизводимых смыслах» [1, с. 68], которые отражаются в структурах представления знаний – в концептах.

Семантическое моделирование языкового образа политика начинается с выявления и типизации номинаций человека политического, которые используются в текстах печатных СМИ начала XXI в. Среди номинантов наименований политика выделяются имена существительные, а также их грамматические эквиваленты, представляющие наименования политических деятелей, извлеченные из газетных текстов и их фрагментов. Определенная сложность заключается в том, что в содержании большинства исследуемых номинаций присутствует сема «отношение к политической деятельности», хотя ряд наименований

политиков этой семьи не имеет и эксплицируется только в контексте. Ядерным компонентом, который представляет образ политика на лексико-семантическом уровне, выступает слово «политик». Важным этапом семантического моделирования образа-концепта «политик» является установление его семантико-синтаксической представленности в современных печатных СМИ. Согласно проведенным исследованиям, типичными для данного феномена являются следующие структурно-семантические модели: 1) X – какой/каков; 2) X – кто/что; 3) X – что делает / X – что делает как; 4) У X есть нечто.

Вот, например, что пишет о себе депутат Соломон Гинзбург:

Родителями приучен к труду, выполнению обещаний ...

В Калининграде – 40 лет. С отличием окончил наш университет. Преподавая в сельской школе, заочно учился в аспирантуре Ленинградского государственного университета. Кандидат исторических наук. *Автор статей, исследований по проблемам народовластия, справедливости и законности, защиты прав граждан.* Основатель и президент общественной исследовательской организации «Региональная стратегия». <...> Депутат последних созывов. *Автор 16 действующих законов и 20 федеральных законодательных инициатив*, включая федеральные ... Депутат должен быть *открыт, доступен*, профессионален, предсказуем. *Приём веду ежедневно, езжу на общественном транспорте*, общаюсь с избирателями не только в Думе, но и на улицах, во дворах, в подъездах. *Живу с вами в одном избирательном округе.* Его проблемы знаю не понаслышке. Извещаю, над чем работаю, принимаю наказания, советы. *Без обратной связи нельзя добиваться результата в интересах калининградцев* [2].

На следующем этапе семантического моделирования на основании анализа смыслового наполнения высказываний о политических деятелях в текстах современных СМИ выявляются устойчивые смыслы, регулярно воспроизводимые при характеристике политических деятелей.

Семантическими доминантами образа политика в аспекте его профессионально-деловых качеств являются следующие:

- 1) политика – особая сфера человеческой деятельности, которая требует профессионализма;
- 2) профессионализм политика определяется опытом работы;
- 3) опыт и профессионализм влияют на эффективность деятельности политика;
- 4) профессиональная состоятельность политика связана с его трудолюбием, а «языковой образ политика в профессионально-

деловом аспекте характеризуется акцентированием черт характера, которые определяют направленность политической деятельности, ее индивидуализацию» [1, с. 81].

Важной деталью интеллектуального портрета политика следует считать его речь, поскольку деятельность политика ориентирована и на коммуникативное лидерство. Его языковой образ выстраивается также на основе языковых стратегий, специфика которых обусловлена фреймами, т. е. когнитивными структурами, основанными на вероятностном знании основных признаков ситуаций, типичных для субъекта в данной сфере коммуникации. Во фреймах политической коммуникации отражены такие ее признаки, как институциональность, ритуальность (проявляющаяся в сценарности, устоявшейся ролевой структуре и т. д.), особая риторическая организация, целевая направленность, диалогичность (дискуссионность), конфликтность и даже театральность. К основным коммуникативным стратегиям, которые учитываются субъектом в рамках политического дискурса, относятся: стратегии кооперации, борьбы за власть, апелляции к ценностным категориям, стратегии презентации (языковое представления участников коммуникации), семантические стратегии (идеологическое воздействие), аргументативные стратегии (ментальные действия), стратегии речевых действий участников коммуникации и др. [7].

Одними из распространенных коммуникативных стратегий, применяемых в политическом дискурсе, являются стратегии на понижение и повышение, а также на дистанцирование и сближение, в результате применения которых создается нужный говорящему образ. Под стратегиями на сближение и на дистанцирование понимают «стремление политика солидаризироваться не только с аудиторией, но и с некой другой стороной, так как, занимая позитивную позицию по отношению к тому или иному вопросу, участники политической коммуникации наделяют описываемый объект положительными характеристиками и стремятся солидаризироваться (сблизиться) с ним, а критикуя его, – отдалиться от него» [7, с. 189]. Так, приведенные в работе М. А. Семкина примеры показывают, что основными критериями успешности страны (а значит, и президента) являются стабильность и постоянная положительная динамика, наблюдаемая как в сфере политики, так и в области экономики страны:

<America> is stronger now than when I came into office. <...> We ended the war in Iraq, we were able to refocus our attention on not only the terrorist

threat but also beginning a transition process in Afghanistan. <...> Working with Israel, we have created the strongest military and intelligence cooperation between our two countries in history. In fact, this week we'll be carrying out the largest military exercise with Israel in history [Transcript and ... 2012]<sup>1</sup>.

Сейчас Америка сильнее, чем когда я заступал на этот пост. Мы завершили войну в Ираке, сосредоточили наше внимание не только на противодействии терроризму, но и на поддержке переходного режима в Афганистане. <...> Работая совместно с Израилем, мы создали самый прочный в истории союз Вооруженных Сил, а также разведок наших стран. По сути дела, на этой неделе мы будем осуществлять совместно с Израилем крупнейшие военные учения в истории (*перевод М. А. Семкина*).

В приведенной выше цитате Барак Обама, говоря о достигнутых результатах, использует личные местоимения первого лица, в основном во множественном числе (*we*), подчеркивая свое единение со страной, и лишь единожды местоимение единственного числа (*I*), говоря о своем вступлении на пост президента, таким образом имплицитно мысля о том, что именно под его руководством (и, конечно, благодаря его умелому руководству) были достигнуты такие результаты.

В другом фрагменте политик, применяя тактику солидаризации, отождествляет себя с избирателями, подчеркивает свою причастность к происходящему:

I and Americans took leadership in organizing an international coalition. <...> We've neglected ... developing our own economy, our own energy sectors, our own education system.

Я и американский народ позволили Америке занять лидирующее положение в международной коалиции <...>. Мы пренебрегали <...> развитием нашей экономики, нашей энергетики, нашего образования» (*пер. М. А. Семкина*).

Как и в предыдущем примере, используются личные местоимения, в основном первого лица множественного числа (*we*), и лишь единственный раз в единственном числе (*I*) – как своего рода напоминание о том, благодаря кому (под руководством кого) такие положительные результаты в развитии страны были достигнуты.

Вводя избирателей в свой круг, «приписывая» и «разделяя» с ними свои успехи на посту президента, Обама задает нужный для себя вектор

<sup>1</sup>Зд. и далее: Transcript and Audio: Third Presidential Debate. 2012. 22 Oct. – URL: <http://www.npr.org/2012/10/22/163436694/transcript-3rd-obama-romney-presidential-debate>

моделирования действительности, одновременно с этим представляя себя, во-первых, надежным, сильным, умелым, знающим потребности страны (и избирателей), радеющим за свою державу (и избирателей) политиком, а во-вторых, человеком, обладающим теми же ценностями, желаниями, интересами, что и его избиратели, которые, конечно же, одобряли и будут одобрять выбранную им политику, поскольку сами участвовали и будут участвовать во всех политических процессах страны вместе с профессиональными политиками.

Таким образом, определяющим фактором, влияющим на решение электората, является то, насколько убедительным оказывается речевой портрет политика и насколько он отвечает запросам электората.

При изучении языкового образа политика важным становится исследование оценочных номинаций политиков – «коннотативно осложненных лексических и фразеологических единиц, называющих человека по каким-либо признакам, качествам, свойствам» [4, с. 26], поскольку, как отмечает А. А. Уфимцева, «язык фиксирует концептуальный мир человека, имеющий своим первоначальным источником реальный мир и деятельность в этом мире. При помощи лексических единиц номинации человек осуществляет репрезентацию объектов реального мира. В словах как номинативных единицах языка хранятся определенные знания о действительности, достаточные для того, чтобы идентифицировать обозначаемые словами реальные или идеальные сущности» [8, с. 120]. Оценочные категории важны при определении отношения человека к окружающей действительности и представляют особую разновидность познавательной деятельности. Оценочные категории могут строиться как на экспертных знаниях, так и возникать в результате собственного непосредственного опыта, но всегда обусловленных в той или иной степени национальной картиной мира: «Изучая языковые оценки человека, мы тем самым пытаемся осмыслить, систематизировать и описать их как факты обыденного сознания и национально-образного мышления в универсальных категориях так, как они представлены в языке, в значениях единиц номинации, воссоздав тем самым фрагмент картины мира в сознании языковой личности» [4, с. 27]. В результате этого в коммуникации появляется оценочное высказывание.

Известно, что повышенной образностью обладает сленг, важнейший из пластов субстандартной лексики, представляющий «особый лексико-фразеологический слой, который включает слова и выражения, некогда бывшие достоянием ограниченной сферы употребления,

но впоследствии перешедшие в общий обиход, где подверглись семантической и экспрессивно-стилистической обработке, понятийная неопределенность сленга неким образом стирается» [6, с. 105].

Исторически сложилось так, что в американском политическом дискурсе сленг оказывается исключительно востребованным особенно тогда, когда речь идет о номинации: практически каждый американский президент имеет прозвище. Так, например, в детстве Барака Обаму называли Барри, позже, когда он стал президентом, журналисты прозвали его *Обама-без-драмы* (*No Drama Obama*) за обычно невозмутимую манеру поведения. По аналогии с Рональдом Рейганом Билл Клинтон получил прозвище *Тефлоновый Билл* (*Teflon Bill*) – обоим, казалось, были не страшны любые скандалы. Билла Клинтона также называли *Первым черным президентом* (*the First Black President*) – за поддержку афроамериканцев. У Джимми Картера, после того как он объявил о кризисе доверия и предложил всем членам кабинета написать заявления об отставке, появилось прозвище *Президент Болезнь* (*President Malaise*). За привычку экономить электричество Линдона Джонсона называли *Линдоном-лампочкой* (*Light-Bulb Lyndon*), Теодора Рузвельта прозвали *Беспокойным Теодором* (*Theodore the Meddler*) за излишнюю, по мнению некоторых, законотворческую активность. Авраама Линкольна за принципиальную честность нарекли *Честным Эйбом* (*Honest Abe*).

Согласно исследованиям В. В. Катерминой, в американском дискурсе в основе сленговых единиц, номинирующих политиков, лежит отрицательная оценка, которая может выражаться несколькими способами: 1) благодаря наличию образного компонента в структуре слова; 2) через ключевое слово *political*; 3) через название политических партий.

Образно-мотивированные метафорические номинации становятся экспонентами культурных знаков. Появление метафоры, как правило, связано с концептуальной системой носителей языка, с их стандартными представлениями о мире, с системой оценок, которые существуют в данной лингвокультуре и вербализуются в языке. Таким образом, метафора связывает эмоции с культурой. Рассмотрим следующие примеры:

1. *Lame duck* (букв. ‘хромая утка’) вызывает образ политика, всё еще находящегося у власти, но не имеющего никаких надежд на переизбрание (ср. первичное и переносное значения: *lame* (*хромой, хромающий, прихрамывающий*)). Например, *a lame animal cannot walk*

*very well because its leg or foot is damaged* – хромое животное не может хорошо ходить, потому что у него повреждена лапа или нога // *pathetically lacking in force or effectiveness* (демонстрирующий отсутствие силы (движения) и эффективности). Метафора «хромого политика» в европейской культуре наложилась еще на одну метафору, поскольку движение неразрывно оказывается связанным с развитием, прогрессом, а отсутствие движения (хромота как нечто ему препятствующее), напротив, воспринимается как что-то отрицательное.

2. *Dark horse* (букв. ‘темная лошадка’) – известный образ в политике, метафоричность которого, выраженная зоокомпонентом, усиливается и цветовой номинацией, занимающей важное место в цветовом коде культуры западных народов: *dark – morally bad, dangerous, or frightening* (темный – плохой, опасный, пугающий). В словосочетании «темная лошадка» в центре номинации оказывается еще одно дополнительное значение, которое можно обозначить как ‘неизвестность’, и через этот смысл выражение оказывается связанным с понятиями ‘dangerous’, ‘frightening’.

Обыгрывание слова *political*, например *politainer – a politician who originally became well-known as an entertainer* (букв. ‘политик, изначально прославившийся как конферансье’) – также довольно распространенный прием. По аналогии образуются лексические единицы *Demican or Demopublicrat – a Democrat said to be acting like a Republican, or vice-versa. Republicrat or Republicrat – a politician of one of the two largest political parties who is said to act as though she or he were a member of the other party* (т. е. политик одной из двух крупнейших политических партий, о котором говорят, что он ведет себя как будто принадлежащий другой партии), являющиеся примерами номинации политиков через название политических партий. Эта оценочная интерпретация внутренней формы возникает как результат телескопического способа словообразования, благодаря которому в одной лексической единице соединяются названия двух противоборствующих партий.

В ходе анализа русской субстандартной лексики, номинирующей политиков, В.В. Катерминой были выделены три основные группы обогащения этого пласта языковых единиц [4].

К первому относятся словосочетания, в состав которых входят слова «политик», «политический», «хозяйственник», встречающиеся в сочетании с лексемами, которые могут придавать единице как

положительное, так и отрицательное значение (*виртуальный политик* – нереальный образ политического деятеля, формируемый в СМИ и навязываемый обществу; *тефлоновый политик* (заимствовано из американского политического жаргона) – политик, к которому не пристаёт («не пригорает») никакая критика; политик, видный государственный чиновник, сохраняющий политическое положение (рейтинг), несмотря на совершаемые им ошибки в политическом управленческом плане; *политический пенсионер* – политический деятель, отправленный в отставку либо утративший политический вес и влияние; *политический тяжеловес* – политик, долгое время занимающий руководящие посты и пользующийся значительным влиянием; *крепкий хозяйственник* – лицо на важной политической должности, имеющее большой опыт работы в хозяйственной сфере, подчеркивающий свою деидеологизированность, сосредоточенность на решении экономических и социальных проблем, а не на выполнении программных установок и лозунгов какой-либо политической организации.

Во втором случае используются: 1) прецедентные имена, например *антиПутин* – обобщающая оценка политика, обладающего качествами, противоположными качествам В. В. Путина; *верный путинец* – политик, своими поступками или заявлениями демонстрирующий лояльность Президенту РФ В. В. Путину; 2) прецедентные выражения, например *кремлевские кукловоды* – применяется, в основном, «левой» прессой в отношении Президента, ключевых фигур в его администрации и влиятельных общественных деятелей и пр.

В. В. Катермина отмечает, что «отрицательная окраска лексемы *антиПутин* создается при помощи негативной приставки *анти-*: *анти-* – приставка, употребляется при многих существительных и прилагательных для выражения противоположности или враждебности, соответствует приставке *против*). Но главное, на что следует обратить внимание, это само имя собственное, которое создает определенный образ в сознании народа» [4, с. 29].

Третья группа включает в себя следующие единицы: *капитаны российского бизнеса* – эвфемизм, которым принято обозначать лиц, называемых олигархами. В более широком смысле это – директора больших предприятий, крупные собственники, успешные менеджеры; *нефтяные генералы* – директора предприятий нефтедобывающего комплекса, занявшие руководящие должности еще в советские

времена; *региональные бароны* – главы регионов, обладающие практически абсолютной властью на своей территории.

Эти лексемы В.В. Катермина определяет как «единицы номинации, в структуре которых присутствуют компоненты, номинирующие определенное социальное положение лица (гендерный компонент “социальный статус”)» [4, с. 29]. Также отмечается, что в данную группу входят единицы, обозначающие несколько человек, а не отдельную личность, что, вероятно, связано с распространенностью данного явления, его типичностью.

В заключение можно сделать вывод, что языковой образ политика в современных исследованиях, выполненных на материале русского и английского языков, представлен как сложный семантический конструкт, который имеет разнородную языковую структуру и ярко выраженную экстралингвистическую обусловленность.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вагенляйтнер Н.В., Никитина Л.Б. Языковой образ политика по данным российских печатных СМИ начала XXI века. – Омск : Омский гос. пед. ун-т, 2014. – 160 с.
2. Гинзбург С. Отчет депутата областной Думы перед избирателями 2011–2016 гг. – URL: [www.rugrad.eu/Общение/Блоги/blog\\_Ginzburg/10194](http://www.rugrad.eu/Общение/Блоги/blog_Ginzburg/10194)
3. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – С. 116–133.
4. Катермина В.В. Оценочные номинации политиков (на материале русской и английской субстандартной лексики) // Политическая лингвистика / гл. ред. А.П. Чудинов. – Вып. 3 (53). – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2015. – С. 26–31.
5. Паршина О.Н. Российская политическая речь: Теория и практика. – М.: Либриком, 2012. – 232 с.
6. Салеев В.А. Два источника и две составные части русского сленга // Социальные варианты языка: материалы Междунар. науч. конф., Н.-Новгород, 25–26 апрель 2002 г. – Н.-Новгород : Нижегород. гос. лингвист. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2002. – С. 105–108.
7. Семкин М.А. Коммуникативные стратегии и речевые тактики конфронтационных электоральных риторик (на материале третьего этапа дебатов президентской предвыборной кампании США 2012 г.) // Политическая лингвистика / гл. ред. А.П. Чудинов. – Вып. 1 (47). – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2014. – С. 188–192.
8. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. – М.: Наука, 1968. – 287 с.